

УДК 070: 800: 82

ПУШКИН И ЛЮБОМУДРЫ: КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ И ОПЫТ ПРОСВЕЩЕННЫХ РЕФОРМ ЖУРНАЛИСТИКИ

© 2008 Е.Ю. Третьякова

Краснодарский государственный университет культуры

Поступила в редакцию 10 мая 2008

Аннотация: В статье сформулировано представление о двух типах переработки устной/письменной речи: первичном (собственно-языковом, органичном для этнических языков) и вторичном (дискурс разных систем идей и концепций). Предложен метод системного анализа ментальных (от лат. *mens* – дух) и витальных (от лат. *vita* – жизнь) волн культурной самоидентификации по алгоритму, включающему в себя отрезки в 10 (ментальное десятилетие) и 30 лет (витальное тридцатилетие). Дана трактовка журналистского реализма (пушкинской модели реформ, поддерживающей гармоничный «пульс» органического развития). Показано, что эклектика – результат индивидуализма, а гармония – коллективизма, вероисповедные и семейно-родовые устои которого любомудры именовали народностью.

Пушкин – воспитанник «Арзамаса» (кружка карамзинистов), но диалог с любомудрами помог ему продумать путь «сближения с господствующим характером века» и прийти к эпическому реализму.

Ключевые слова: русская модель просвещенных реформ печати; первичная/вторичная переработка культурно-языкового достояния; гармонический алгоритм; книжная/некнижная передача наследия.

Abstract: There are definite two types of the conversion spoken/written speech: the type PRIMARY (own-language, normal for ethnic languages) and SECONDARY (produced by different systems of ideas and concepts) in the article. Systematical analysis of algorithm MENTAL (from lat. “mens” – “a spirit”) and VITAL (from lat. “vita” – “a life”) “waves” of cultural autoidentification is presented by the author. This algorithm includes the segments in ten years (THE MENTAL SEGMENT) and thirty years (THE VITAL SEGMENT). We investigate Pushkin’s model of the reforms, supported harmonious “pulse” of the organic development. (It is shown, that eclectic is a result of individualism, but harmony – a result of collectivistic tradition, which the lyubomudres named as “narodnost”).

Pushkin was an alumnus of “Arzamas” (the karamzinists mug), but dialogue with lyubomudrys help him to think out the way

Key Words: russian model of the enlightened reforms of publicity; primary/ secondary conversion of language-cultural experience; algorithm of harmonic; spoken/written speech tradition.

При анализе преобразований, служивших созданию национальной печати, следует учитывать не частные внутрисистемные изменения периодики (состав изданий, эволюция идей,

жанров, стиля и т. д.), а характер надсистемного окружения смыслов человеческой деятельности – так называемую эпистему знания. На эпистемическом уровне наиболее явно выступает различие моделей просвещенных реформ: европейская культура Нового времени зиждется

© Третьякова Е.Ю., 2008

на индивидуализме, русская — сохраняет приверженность неиндивидуалистической переработке культурно-языкового опыта. Самобытность отечественной просвещенной традиции обусловлена смиренно-личностной трансляцией познанного, осмысленного предками и современниками. Идеальный тип такого посредничества демонстрирует созданный Пушкиным Иван Петрович Белкин.

Пушкин и любомудры стремились к реалистическому синтезу качественных сторон отечественного журнально-книгоиздательского процесса. Мы проработаем необходимые, на наш взгляд, стороны теоретической постановки вопроса, которым озаглавили статью. Обратим внимание на выработку мер оптимизации журнального общения в «Арзамасе» (1815–1818) и «Обществе любомудрия» (1823–1825) — опыт культурологической рефлексии, на котором базировались пушкинские представления о задачах просвещенной реформы печати. При изучении «русской» (пушкинской) модели журнальных собеседований о жизни мы предполагаем:

— сформировать представление о двух типах переработки наследия устной/письменной речи. Типе первичном (переработка мифом — образных представлений, входящих в органично развитый этнический язык) и вторичном (дискурсы различных систем идей и концептов);

— выработать метод системного анализа ментальных (от лат. *mens* — дух) и витальных (от лат. *vita* — жизнь) волн культурной самоидентификации по алгоритму, учитывающему отрезки в 10 (ментальное десятилетие) и 30 лет (витальное тридцатилетие). Доказать, что миф национальной культуры есть рост Древа Речи — кроны его наиболее прочных ветвей при гармоничном взаимном наложении волн органического развития;

— показать, что при реализме жизненных установок пульс таких волн гармонизирует внутреннее единство отдельно взятых человеческих судеб на фоне взаимодействующих друг с другом поколений. Эклектика есть результат индивидуализма и вульгарного коллективизма, а гармония — коллективизма истинного, не расшатывающего вероисповедные и семейно-гражданственные устои, которые классицисты, сентименталисты и романтики карамзинско-пушкинской эпохи именовали народностью.

Карамзину-историку, Пушкину-поэту соотечественники обязаны синтезом, не перечеркнутым то ценное, что тысячу лет передавал канон православной книжности. Кристаллизация духа в стержне исторического бытия нации (в Средневековье — религиоцентричная), в золотом веке русской словесности стала литературоцентричной. Миф русской культуры назвал это достижение

пушкинским началом золотого века. Однако позитивистская наука наперекор этому началу выдвигала свой миф (мы будем называть его псевдомифом, т. к. в нем эклектично собраны результаты вторичной переработки культурного достояния народов). Позитивисты полагали, что область действия пушкинского начала не выходит из заповедных границ художественного слова. Они исказили понимание того обстоятельства, что литературный язык призван поддерживать привольное владение речью: быть гарантом передачи полноценной культурно-языковой способности как в устной, так и в письменной (*littera* — лат. буква) практике. В результате искажений классические достижения скрылись за горизонт модернистского века и стали казаться недостижимыми. Стала непонятной мысль о том, что пушкинское начало выработывалось в самой тесной связи с журналистской практикой. Сегодня для многих не очевидно, что к реалистическому синтезу эстетических учений Нового времени (классицизма, сентиментализма и романтизма) вели журнальные дискуссии 1820-х — 1830-х гг. о качестве публикуемых произведений. Не стихотворных, а прозаических: повестей, очерков и статей публицистического, литературно-критического, научного характера. Перечтите в альманахе «Денница» на 1830 год характеристику журналов как «почти единственных хранилищ новейшей прозы». Возьмите в руки статью Гоголя «О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 годах» (обзор текущей периодики, напечатанный в I томе «Современника») или любой из «Взглядов на русскую литературу», написанных Бестужевым, Белинским, Вяземским. Не заставят ли они нас более реалистично оценить постмодернистский поиск выходов из кризиса?

При этом будет полезно учесть, что журналы, газеты, альманахи, одноразовые и серийные сборники произведений, которые для потомков становятся источниками изучения истории журналистики, для современников являются подобием устных бесед, писем и дневников. Так, по крайней мере, было в начале XIX века — в эпоху, достоинством которой осталась запечатленная в многочисленных текущих изданиях живая речь — слог отражал на письме самобытные достоинства органично развитого языкового мышления.

Девиз «Пиши, как говоришь, и говори, как пишешь» нацеливал работать над гармоничным развитием письменных/устных составляющих публичного общения. Считалось, что это залог прочного будущего всего народа, а не только образованных слоев общества. Инициаторы просвещенной реформы подали пример отменным качеством собственных произведений. Это было, собственно говоря, решающим шагом: эпический реализм на практике показал, что язык возрождает отнюдь

не споры об эстетических системах. А.С. Пушкин достроил до вершины преобразования, задуманные в двух дружеских литературных обществах, работавших над проектом просвещенного преобразования отечественной печати. «Арзамасское братство безвестных людей» стояло на позициях сентиментализма. Участников кружка называли карамзинистами — в противовес шишковистам, приверженцам идей А.С. Шишкова. Карамзинисты считали важным уберечь художественное творчество от жесткого диктата теоретико-эстетических систем. Этим они отличались и от классицистов-«беседчиков» — членов общества «Беседа любителей русского слова» (1807–1816), и от романтиков-любомудров. Последние истолковывали задачи журналистики в свете идей, выдвинутых тогдашними немецкими философами.

Сначала вникнем в журнально-издательские намерения круга писателей, первым заметившего дарование юного Александра Пушкина: «Арзамас» внес заметный вклад в воспитание будущего реформатора отечественной журналистики.

Неизданный журнал «Арзамаса»

Арзамасцы любили своего Сверчка (Пушкин не мог отлучаться из Лицея и на заседаниях общества обычно не присутствовал — «пел за печкой»). Его стихи непременно явились бы на страницах арзамасского периодического издания, но затея журнала не осуществилась. Д.Н. Блудов, М.Ф. Орлов, братья Тургеневы не имели согласия в том, как следует отстаивать любовь к свободомыслию, и начало издания отодвигалось на неопределенный срок. Письма П.А. Вяземского, А.И. Тургенева, А.С. Пушкина содержат немало сведений об общем плане и о деталях задуманного.

Желая скорей выбраться из ссылки, Пушкин в письмах из Одессы и Михайловского уверял: только разбросанность на огромные расстояния мешает участникам замысла «приструнить все журналы и держать их в решпекте» [6, X, 73]. Написанное русскими буквами английское слово вполне может служить характеристикой намерений. Оно означает 'уважение', 'бережное отношение'. К чему? — К достоинству литераторов, к качеству публикаций; это видно и из текста статьи «Обозрение обозрений» (1831), где Пушкин говорит, что «по причине великого конкурса» невежество или посредственность не могут овладеть монополией журналов: «...Человек без истинного дарования не выдержит l'èreuve издания. Посмотрите, кто во Франции, кто в Англии издает сии противоборствующие журналы? Здесь Шатобриан, Мартиньяк, Перонет, там Гиффорд, Джеффри, Питт. Что ж тут общего с нашими журналами и журналистами — шлюсь на совесть наших литераторов?» [6, VII, 161 162].

Арзамасский кодекс литературной чести требовал судить автора по правилам, им самим над собою принятым, не уклоняться от законов нравственности и такта, соблюдать приличия, которых ты ожидаешь от других. В какой мере замышлявшийся журнал мог быть философским? Глубокий и тонкий исследователь Д. Чижевский справедливо отметил, что этическое самоопределение Н.М. Карамзина, А.И. Тургенева, В.Л. Пушкина, В.А. Жуковского шло по линии, близкой к «философии сердца» Григория Сковороды. Русские сентименталисты не подменяли внесознательное морализаторством. По платоновской и христианской традиции они понимали внесознательное как высшее, глубокое средоточие всего доброго и светлого: «Любить истинное и прекрасное, наслаждаясь ими, уметь их изображать, стремиться к ним самому и силою красноречия увлекать за собою других — вот благородное назначение писателя» [3, 43].

Совершенство не сковывает слог канонами внешне заданных норм. «Очищению языка» переписки, дневников, рукописных трактатов способствовал чистосердечный суд друзей: чтение в дружеском кругу имело гораздо большую значимость, чем напечатание текста. Литературное мастерство оттачивали выступления перед собраниями любителей словесности в дружеских и официальных литературных обществах, которыми столь славилось «дней Александровых прекрасное начало». П.А. Вяземский подчеркивает: аристократические салоны не помешали Карамзину «написать 12 томов “Истории”», Пушкину — «несколько превосходных произведений». От журналов, альманахов и книг, издававшихся в столицах, людьми, вхожими в литературные общества, было правомерно требовать добросовестной подготовки «печатного товара». Светский такт как норма содержательной, точной устной речи «способствовал развитию, разнообразию и укреплению» дарований. «Не нужно было читать газеты, как у афинян, которые также не нуждались в газетах, а жили, учились, мудрствовали и умственно наслаждались в портиках и на площади». Так, у дочери и внучки М.И. Кутузова по утрам (гостиная Елизаветы Михайловны Хитрово) и вечерам (салон Дарьи Федоровны Фикельмон) «вся животрепещущая жизнь, европейская и русская, политическая, литературная и общественная, имела верные отголоски» [1, 437 438].

Процитируем, что он пишет далее: «В этих двух салонах можно было запастись сведениями о всех вопросах дня, начиная от политической брошюры и парламентской речи французского или английского оратора и кончая романом или драматическим творением одного из любимцев той литературной эпохи. Было тут и обозрение

текущих событий; был и premier P tersbourg с суждениями своими, а иногда с осуждениями, был и легкий фельетон, нравоописательный и живописный. А всего лучше, эта всемирная, разговорная газета издавалась по направлению и под редакцией двух любезных и милых женщин. Подобных издателей не скоро найдешь! А какая была непринужденность, терпимость, вежливая, и себя и других уважающая свобода в этих разнообразных и разноречивых разговорах! Даже при выражении спорных мнений не было и слишком кипучих прений: это был мирный обмен мыслей, воззрений, оценок, система free trade, приложенная к разговору. Не то, что в других обществах, в которых придирчиво и стеснительно господствует запретительная система: прежде чем выпустить свой товар, свою мысль, справляешься с тарифом; везде заставы и таможни» [1, 438].

Пушкин, намечая в феврале 1825 г. возможный состав участников нового периодического издания, думал привлечь Вяземского как публициста: «Вот те Христос: литература мне надоела — прозы твоей брюхом хочу» [6, X, 99], Катенина как критика: «Если б согласился ты сложить разговоры твои на бумагу, то великую пользу принес бы русской словесности...» [6, X, 156]. Журнал, будь он открыт в это время, уже не считался бы арзамасским. Общества не существовало с 1818 г. Но его участники продолжали жить: развивались как мыслители и художники, созревали как выразители определенной гражданской позиции.

В чем намеченный ими путь реформ сходствовал, а в чем отличался от программы преобразований журналистики, намеченной любомудрами, рассмотрим в следующем разделе статьи.

Предыстория «Московского вестника»

Понятие «тридцатые годы» в истории русской журналистики отсчитывают с 1826 г., когда стало «неприлично заключать союз — с кем? с Булгариным и Гречем» и перед литераторами встал выбор: быть ли поденщиками «торговой журналистики», или организовать издания, обеспечивающие успех просвещенной мысли, как «Полярная звезда» (1823—1825) и «Мнемозина» (1824—1825).

Пушкин не забыл наставление Карамзина: только «аристократия пишущих талантов» может действовать народно, и не сомневался, что «монополия Греча и Булгарина» падет [6, X, 223]. С 1827 г. правительство давало формальное согласие на то, чтобы поэт основал своё периодическое издание. По письмам Ивана Киреевского В.А. Жуковскому видно, что в 1832 г. Пушкин намеревался издавать газету «Дневник» (мысль о ней Александр Сергеевич оставил, получив в 1835 г. разрешение на журнал «Современник»).

Среди рукописей поэта интересен тезисный набросок программной статьи о различиях русского/европейского журнала. Раскрыть эту тему могло быть поручено и Петру Андреевичу Вяземскому: всесторонне обдуманый, неоднократно обсуждавшийся вопрос находил отражение в его обзорах русской печати 1820 х — 1840 х гг. Можно добавить и эпистолярные подтверждения. 12 ноября 1827 г. Вяземский сообщал А.И. Тургеневу: «Я хотел бы, кроме журнала, издавать “Современник” по третям года, соединяющий качества “Quarterly Review” и “Annuaire historique”. Я пустил это предложение в Петербург к Жуковскому, Пушкину, Дашкову. Не знаю, что будет; дальнейшие толки об этом отложены до приезда моего в Петербург в январе. Но вряд ли пойдет дело на лад: у нас, в цехе авторском, или деятельные дураки, или бездейственные умники» [2, с. 432]. В этом письме имеется в виду «Московский телеграф», который Петр Андреевич тогда курировал. Но в перспективе вместо двухнедельного журнала могла бы быть и газета с периодичностью «Северной пчелы»: Вяземский готовил проект, соединяющий оперативный печатный орган с основательным периодическим изданием, чего было достаточно, чтобы возглавить тогдашний литературный процесс.

В кружке любомудров проект солидного издания составил Дмитрий Веневитинов, к чьей статье «Несколько мыслей в план журнала» (1826) мы еще обратимся в своей научной реконструкции. Проект Вяземского даст опору нашим суждениям о том, какой видели реформу представители творчески зрелой «аристократии пишущих талантов». Проект Д.В. Веневитинова позволит судить о планах младшего, тогда только подраставшего и набиравшего силы поколения. Но сначала скажем, что крепнувшее в 1826—1836 гг. духовное единение деятелей, не желавших отдать журналистику на откуп «торговому направлению», можно назвать ментальным десятилетием просвещенной реформы.

Реформа гармонично воссоединила все волны просвещенных начинаний рубежа XVIII—XIX вв. На этапе, возглавленном Пушкиным, в осуществлении замыслов участвовали люди, рожденные десятилетием ранее и десятилетием позже поэта. Вяземский (1792—1878), Плетнев (1792—1866) и Катенин (1792—1853) старше, Веневитинов (1805—1827) и братья Киреевские младше Пушкина (Иван родился в 1806, Петр — в 1808 г.). Погодин (1800—1875) его ровесник. Все они не сомневались в том, что русская просвещенная реформа увенчается б льшим успехом, чем европейская.

Примером и ориентиром для них были начинания Н.М. Карамзина. Вяземский утверждал: «Как ни были разнообразны между собою даро-

вания обоих, но Пушкин едва ли не более всех других писателей наших родственно примыкает к Карамзину и является прямым и законным наследником его. Как тот, так и другой были наиболее влиятельными и господствующими писателями своих эпох. В них сосредоточивались литературная сила и власть. А что ни говори, и в республике писмен (r publique des lettres) нужна глава, нужен президент. У многих нянек дитя без глаза, здесь, пожалуй, без языка. Избранный писатель, увлекая деятельностью и производительностью своею, вместе с тем нечувствительно и неосознанно налагает пример свой на других» [2, 320]. Пушкину в арзамасских эпиграммах случалось шутливо называть Карамзина «бабушкой», а Жуковского «дедушкой» реформы.

О том, что печать должна, обязана поддерживать лучшие достижения национальной культурно-языковой традиции, говорилось в «Вольном обществе любителей российской словесности, наук и художеств» (1801–1826), в «Беседе любителей русского слова» (1807–1816). Живя воздухом побед Отечественной войны 1812г., «Вольное общество любителей российской словесности» (1816–1825), «Арзамас» (1815–1818), «Общество зеленой лампы» (1818–1820) выдвигали требование самобытного, не подражательного развития. Эту идею пропагандировали А.П. Куницын, С.Н. и Ф.Н. Глинка, П.А. Катенин, В.К. Кюхельбекер, А.А. Бестужев, К.Ф. Рылеев. Патриотизм был знаменем романтиков в «Соревнователе благотворения и просвещения», «Сыне отечества», «Невском зрителе», «Финском вестнике». Молодые силы дали жизнь блистательным по содержанию и типографскому исполнению сборникам произведений («Полярная звезда», «Мнемозина», «Северные цветы», «Русская старина»). Таким образом, трагедия 14 декабря пресекла не абстрактные мечты о благородных начинаниях, а целостно сложившийся, достаточно влиятельный для публики процесс.

Десятилетие 1826–1836 гг. – венец и стержень этого процесса – сдвоило два преемственных друг с другом этапа (1816–1825 и 1825–1836) становления самобытно-русского типа просвещенности. Героические события, выявившие истинность гражданского чувства соотечественников, помогли здоровым началам, укрепили реализм жизненных волн, впитавших цельный духовный выбор.

С какой быстротой было распродано собрание стихотворений Пушкина, вышедшее в декабре 1825 года! Летом 1826 го состоялась казнь декабристов, чтобы переломить общественные настроения, правительство наложило вето на обсуждение внутригосударственных проблем в печати. Однако укрепление органичной нацио-

нально-самобытной традиции продолжалось. Как и взлет духовного реализма в литературе, оно было вызвано не политическими, а внутрикультурными языковыми процессами.

Пушкин во главе реформ печати

В 1825–1836 гг. у Пушкина с Дельвигом был круг изданий, полностью охватывавший возможности печати своего времени: погодно выходил альманах («Северные цветы»), его дополнял сначала оперативный печатный орган («Литературная газета»), потом орган основательной, вдумчивой оценки текущих литературно-общественных явлений (поквартальное издание «Современник»). В орбиту осуществления реформаторских замыслов входили публикации Пушкина и Вяземского в «Московском телеграфе», немалая часть истории «Московского вестника», «Телескопа», а также целиком – «Европейца». По количеству изданного (тем более – по качеству) это было немалым приношением на полку читателей, любящих родное слово, равнодушных к судьбам Отечества.

Органично развитую культуру можно сравнить с могучим древом: пространство просвещенности формирует весь объем его кроны, а не одиночные отростки. Это особенно верно в применении к культурной ситуации первой четверти XIX века. К изучению многовековой отечественной истории прибавились палеография и этнография. То, что с философской стороны выглядело как любомудрие, по филологической сути было работой над созданием стройной системы воззрений на историю отечественной литературы и языка. Успехи искусства слова, увлечение стихотворством сопутствовали попыткам проникнуть в природу древнейшего мифа. И все это вместе было ростками естественного языкового чутья (именно это – чутье к духу родного языка – любомудры называли гениальностью, внося поправки в вульгарно-романтическое применение слова «гений»).

Огромное влияние Пушкина на умственную атмосферу своего времени не вызывает сомнений. Но говорить о характере этого влияния надо с определенной тонкостью: с тем тактом, какой дается человеку не какими-либо системами идей, а прирожденным языковым даром. Пушкин ставил языковую смысленность превыше любых умствований. Уже в поэме «Руслан и Людмила» (1820) чувствовалось духовное родство с «Историей государства Российского» – эпический лад, при котором языковое чутье работает без нажима и поучений.

Эпос – плод полноценного языкового мышления. Ошибки и погрешности против здравого смысла вызывают у носителей органично развитого языка не элегическую меланхолию и не едкий сарказм, а дружный смех. Так юмор – лучшее

противоядие менторскому тону и сухой дидактике — подправляет огрехи мелочно-подозрительной или сфальшивившей мысли. Серьезные и комические жанры эпоса одинаково активны при первичном освоении мира в мифе и имеют одинаковую важность для естественного роста Древа Речи — Древа Жизни народа. А вторичная переработка сведений не проясняет уже познанное. Она множит его интерпретации. Когда журналисты пишут наобум, без понимания избранного предмета и жизни в целом, — механически растет количество неточностей, быстро накапливаются слои суждений недостоверных (порой и намеренно искажающих истину).

Николай Полевой оснастил борьбу за права купеческого сословия якобинским словечком: дал ход выражению «мнимая литературная аристократия». Его брат Ксенофонт утверждал, что поэма-сказка Пушкина уронила насмешками достоинство богатырей. Другие журналисты недоумевали: к чему Пушкин создал «ничтожного Белкина»; зачем «тратит талант» на литературное переложение мужицких сказок? Ошибочность этих вульгарно-романтических претензий подтвердилась со временем.

П.А. Вяземский утверждал: проживи Пушкин хотя бы до 1850-х годов, у русской просвещенной журналистики была бы иная судьба: «А что сделал бы он еще, если смерть не прекратила бы так скоропостижно деятельность его? Грустно о том подумать: его не стало в самой поре зрелости и силы жизни его и дарования. Сложения был он крепкого и живучего. По всем вероятностям, он мог бы прожить еще столько же, при нем, в нем глубоко таилась охранительная и спасительная нравственная сила. Дарование его было также сложения живучего и плодovitого... Пушкин мог бы еще долго предаваться любимым занятиям своим и содействовать славе отечественной литературы и, следовательно, самого отечества» [2, 325-326].

Если у дерева подрублена одна ветвь, рост других возмещает объем кроны. Как ни тяжела была утрата после рокового выстрела, друзья поэта помнили: он был среди нас, и до конца своей жизни не изменили «пушкинскому направлению». Трое участников «Московского вестника», наиболее чутко воспринявших суть поставленной Пушкиным задачи, дожили до «либеральной весны». Иван и Петр Киреевские скончались в 1856 м, Алексей Хомяков умер в 1860 м году. Поэтому есть все основания полагать, что витальное тридцатилетие старшего славянофильства состоялось. Витальное тридцатилетие (трижды десять) — итог плодотворного взаимодействия сопутствующих друг другу поколенческих волн, необходимое условие гармонии и передачи эпического компонента культуры.

Эпическое самосознание было упрочено теми, кто вслед за «аристократическим направлением» журналистики 1830 х гг. вел диалог о сути просвещенных преобразований. Диалог незримо связывал судьбы разных направлений русской мысли. Так, в середине 1850 х Вяземский настоял, чтобы пропустили в печать статью К.С. Аксакова «Богатыри времен великого князя Владимира по русским песням». Она вышла в «Русской беседе» (1856, т. 4). Защищая автора от огульных обвинений, Петр Андреевич подчеркнул, что словом «славянофил» литераторы карамзинской школы обозначали сторонников адмирала Шишкова: «Это чисто семейные, домашние клички. Лет за сорок перед сим мы же, тогда молодые литераторы карамзинской школы, так прозвали А.С. Шишкова и школу его. В последнее время прозвище это воскресили и обратили к некоторым московским литераторам, приверженцам старины. Из журнальных сплетней и пересмешек возникло пугало, облеченное политической таинственностью. Собственно, судя о славянофильстве по его словопроизводству, мудроно заключить, что может быть вредного в любви к славянам, нашим предкам и одноплеменным братьям, и в нашей любви к славянскому языку, который был язык нашей истории и есть язык нашей церкви? Отказаться от чувства любви ко всему славянскому значило бы отказаться нам от истории нашей и от самих себя» [2, 324].

Чиновники Цензурного Комитета не знали твердо никакой философской теории. В поисках крамолы они шли на поводу у досужей молвы, принимали за ориентир ярлыки, навешенные самими же журналистами. В данном случае они ополчились на то же, что и идеологи «западничества»: славянофилами, по иронии судьбы, стали называть не сторонников шишковского классицизма, а любомудров, журнальные выступления которых знаменовали собой плодотворный этап русской культурологической рефлексии. Любомудры искали возможность правильно истолковывать вещи, подсказываемые «гением языка» — живым языковым чутьем народа. Им к 1850-м гг. удалось теоретически объяснить плодотворное влияние эпического реализма на природу этнического мифа (тип книжности, поддержанный пушкинским реализмом).

Всякий диалог двусторонен: любомудры как авторы наиболее глубоких откликов на пушкинские произведения в 1820 х — 1830 х гг. определенным образом привлекали поэта к философским раздумьям о романтизме. Но самыми ранними наставниками Пушкина были арзамасцы. Их воззрения отражены в его тезисе: критика есть наука «открывать красоты и недостатки в произведениях искусств и литературы» и в указании на три истока критики: совершенное знание правил, коими руководствуется художник в своих

произведениях, глубокое изучение классических образцов и деятельное наблюдение наиболее замечательных современных литературных явлений. Пушкин твердо стоял на том, что главная цель пишущих и печатающих свои произведения авторов – гибкий слог, а путь к достижению цели – «очищение» языка от неживых форм. Перед критикой, «ученой и политической прозой» (публицистикой) он ставил требование не унижаться до эпигонства и не убивать живой язык.

Пушкин внушал любомудрам: «...Кто в критике руководствуется чем бы то ни было, кроме чистой любви к искусству, тот уже нисходит в толпу, рабски управляемую низкими, корыстными побуждениями. Где нет любви к искусству, там нет и критики» [6, VII, 111]. Видя, что эта молодая ветвь теоретической мысли в России растет не менее успешно, чем в Германии, Пушкин предотвращал несправедливые нападки: «...Презирать критику потому только, что она еще находится во младенчестве, значит презирать юную литературу за то, что она еще не возмужала. Это было бы несправедливо» [6, VII, 116–118]. «Литературная газета» дала добрую рекомендацию школе, которая «основалась под влиянием новейшей немецкой философии и произвела Шевырева, заслужившего внимание великого Гёте» [6, VII, 79]. Возмужание – вопрос времени. Критика и публика взрослеют вместе. Упомянуть о заграничном признании любомудров было очень кстати, чтобы читатели учли не пересуды Полевого – Булгарина, а мнение всеми признанного патриарха немецкой литературы.

О самом поэте надо сказать, что около 10 лет он печатал только стихотворные тексты и, как литераторы старшего поколения, предпочитал писать хорошие произведения, а не спорить с теми, кто нападает на недостатки чужих сочинений. Он не изменил этому правилу, дав первую заметку в журнал «Сын отечества» (1824, № 18). Всего несколькими строками сообщил, что считает основательными соображения П.А. Вяземского о романтизме. В дальнейшем Пушкин отдавал свои литературно-критические статьи изданиям, которые предполагалось вовлечь в ход просвещенной реформы. Не авторское самолюбие, а интерес к живому литературному развитию заставлял его высказываться о текущей словесности (систематически он делал это только при издании «Литературной газеты» и «Современника»). Наиболее вдумчивыми его партнерами в обсуждении культурно-организаторских задач печати были Катенин, Вяземский, любомудры.

По тону статей и характеру обсуждаемых вопросов можно судить о многом. Например, когда Пушкин разъясняет свою сдержанность по отношению к журнальным толкам, за строками – намек на Кс. Полевого, и, несмотря на про-

стодушно-доверительный тон наброска, ирония довольно остра. «Не отвечал я моим критикам не потому... чтоб недоставало во мне охоты, веселости или педантства; не потому, чтоб я не полагал в сих критиках никакого влияния на читающую публику. Но, признаюсь, мне было совестно для опровержения оных повторять школьные или пошлые истины, толковать о грамматике, риторике и азбуке, а что всего затруднительнее, оправдываться там, где не было обвинений... Например, один из моих критиков, человек, впрочем, добрый и благонамеренный, разбирая, кажется, “Полтаву”, выставил несколько отрывков и вместо всякой критики уверял, что таковые стихи сами себя дурно рекомендуют. Что бы я мог отвечать ему на это?» [6, VII, 116. – Выделено Пушкиным. – Е.Т.].

Отзыв на «Денницу» (Литературная газета, 1830, № 5), напротив, написан в дельно-сосредоточенном, серьезном тоне. Рядом с обозрением литературы 1829 года упомянуты другие статьи И.В. Киреевского, отмечен творческий рост и созревание мысли. «Вероятно, “Обзор” г. Киреевского сделает большое впечатление не потому, что мысли в нем зреее (что, впрочем, неоспоримо, несмотря на слишком систематическое умонаправление автора), но потому только, что некоторые из его мнений выражены резко и неожиданно» [6, VII, 76].

По нашему мнению, эта рецензия является скрепой между вторым и третьим этапами пушкинской реформы печати. Всего этапов три. Первый составили дружеские беседы и переписка арзамасцев, о которой мы уже рассказали. Это была предварительная подготовка, при которой проект существовал только в мечтах некоторого круга людей. Второй этап – пробные шаги в поисках журнального плацдарма и при координации различных деталей замысла (встреча фантазии с реальностью непременно координирует наметки дум). Детали таковы, какими их дают обстоятельства каждого конкретного момента жизни. Нежизнеспособное при этом отпадает, а все жизнеспособное обретает слаженный ритм, координируемый лишь отчасти (отнюдь не целиком зависящий от авторов проекта). Если модель гармонична, у реформы будет третий этап, не похожий на первые: положительные изменения пойдут сами собой, без надзора и нажима. Преображение диссонанса в гармонию и есть грань между вторым и третьим периодом.

Раньше историки журналистики делили журналистский путь Пушкина на две части: сначала поэт рассчитывал найти плацдарм не в собственном издании (чтобы не тратить время на наполнение номеров), но после безуспешных попыток основал (совместно с Дельвигом) «Литературную газету».

Учет того, в чьей собственности находится издание, не дает «ключа» к смыслу небуржуазных реформ печати. Есть не менее четырех доводов против этого критерия, хотя само по себе наличие/отсутствие собственного печатного органа у пушкинского круга литераторов показательно. Во-первых, некорректно утверждать, что у литераторов пушкинского круга не было собственных изданий до «Литературной газеты». С 1825 г. регулярно выходил альманах «Северные цветы». Превратив этот прекрасно раскупавшийся сборник из подобию «Полярной звезды» в нечто вроде «Мнемозины» (которая по частоте выхода была журналом, а не альманахом), можно было иметь свой журнал. Во-вторых, дебют Феофилакты Косичкина в «Телескопе», публикации в «Библиотеке для чтения» и прочие шаги навстречу новым издателям «разведывали», не станут ли они полными единомышленниками. В-третьих, поэтам лучше избегать кропотливой технической работы (наполнение номеров – сизифов камень, истощающий творческие силы). В-четвертых, бремя экономических затрат на издание было не под силу для Пушкина и его друзей, не имевших свободных денег для «стартового капитала».

А если взять иную нить размышлений? Имея возможность открыть собственное издание, Пушкин все же предпочел дать путь журналу молодых московских литераторов. Он пытался перевоспитать Михаила Погодина, когда «Московский вестник» лишился своей души – Дмитрия Веневитинова. Поэт заботился о расширении круга авторов этого журнала (см. письма В.И. Туманскому и др.) деятельно добывал материалы, привлекал новые силы. Нельзя ли заключить из этого, что самым важным для Пушкина было ширить круг единомышленников?

С руководителями «Московского вестника» его объединяла очень приблизительная, отдаленно наметившаяся общность целей. Он видел искренность любомудров, понимал суть их подхода к проблемам культурно-языкового развития. Это и был «плацдарм». При первой встрече осенью 1826 г. поэт прочел одаренным молодым москвичам трагедию «Борис Годунов» и другие произведения на народную тему. Погодину запомнился бурный восторг слушателей, радость самого автора: «Пушкин одушевился... Он начал

нам, подавая пару, читать песни о Стеньке Разине, как он выплывал ночью на востроносой своей лодке, и предисловие к “Руслану и Людмиле”, тогда еще публике неизвестное “У лукоморья дуб зеленый”...» [7, II, 50]. Знаменателен выбор прочитанного. Переложения казачьего фольклора – ответ на драму Хомякова «Ермак». Новый заповед поэмы-сказки «Руслан и Людмила» – квинтэссенция «русского духа» волшебной сказки.

Один из любомудров – Иван Киреевский в 1827 г. развивал очень интересную для Пушкина тему: «...Язык народа растет посредством накопления, как масса камней; но словесность образуется органически, как древо» [4, 10]. Александр Сергеевич внимательно читал и другие разъяснения этого критика. От него он взял слово «действительность» и суждения о поэзии как «выражении всеобщности человеческого духа». Киреевский утверждал, что участие Пушкина в означенном процессе доказывает «зрелость мечты поэта» [5, 65]. Диалог с И.П. Киреевским помог Пушкину продумать свой путь «сближения с господствующим характером века» (выражение Киреевского). Их сотворчество в философской дискуссии о русском/европейском типах просвещенности увенчалось созданием русской модели просвещенной печати.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вяземский П.А. Стихотворения. Воспоминания. Записные книжки / П.А. Вяземский. – М.: Сов. писатель, 1988. – 480 с.
2. Вяземский П.А. / П.А. Вяземский. Эстетика и литературная критика. – М.: Искусство, 1984. – 458 с.
3. Жуковский В.А. Эстетика и критика / В.А. Жуковский. – М.: Искусство, 1985. – 432 с.
4. Зуева Т.В. Сказки А.С. Пушкина / Т.В. Зуева. – М.: Просвещение, 1989. – 159 с.
5. Киреевский И.В. Критика и эстетика / И.В. Киреевский. – М.: Искусство, 1979. – 439 с.
6. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Л.: Наука, 1977–1979. Том указывается римской, страница – арабской цифрой.
7. Пушкин в воспоминаниях современников: в 2 т. – М.: Худож. лит-ра, 1975. Том указывается римской, страница – арабской цифрой.

Третьякова Е.Ю.
Краснодарский государственный университет
культуры.
Доцент кафедры литературы.
drevo_rechi@mail.ru

Tretyakova H. Y.
Krasnodar State University of Culture.
Docent, Department of literature.
drevo_rechi@mail.ru